

Мапельман В.М.

ГОСЛУЖАЩИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: рассматриваются особенности функционирования одного из социально-структурных элементов Российской Федерации – государственных служащих. Определяются причины возможных рисков для национальной безопасности страны, связанных с их деятельностью. Выделяются пять обстоятельств, стимулирующих данный процесс: особенности статуса и функционирования государственных служащих как особого структурного подразделения российского общества, осуществляющего политическую и административную власть в целом в государстве и на местах; стремление значительного числа государственных служащих укрепить свои позиции на занимаемых должностях путём приобретения в дальнейшем не подкрепляемого высокого научного статуса; не заинтересованность государственных служащих в развитии и поддержке отечественной инновационной (оригинальной, творческой) деятельности; стремление к сведению оценок любых социальных взаимоотношений и действий к экономическим или численным показателям, то есть их упрощение, вульгаризация; безразличие к отечественной культуре, самобытности и достоинству государства. Затрагиваются вопросы профессиональной компетентности государственных служащих.

Ключевые слова: Политология, государственный служащий, чиновник, управленец, профессионализм, компетентность, бюджетник, политическая элита, политическая власть, административная власть

Одним из основных принципов менеджмента в Школе бизнеса Маршалла Университета Южной Калифорнии¹ признано положение, сформулированное Лоуренсом Джонстоном Питером (1919-1990): «В иерархии каждый индивидум имеет тенденцию подниматься до своего уровня некомпетентности... Общая тенденция такова, что со временем каждая должность будет замещена работником, недостаточно компетентным для выполнения своих обязанностей» [17]. На этих постах они, как правило, будут находиться до тех пор, пока не покинут систему (умрут, выйдут на пенсию, будут уволены и назначены на другой престижный пост, найдут себе иное не менее статусное место).

Данное положение звучит достаточно убедительно, если учесть то обстоятельство, что главные провалы в жизни современного общества связаны, по общему признанию, с непрофессиональным или эгоистическим управлением. Большинство мировых про-

блем являются результатом вмешательства в закономерности функционирования социального организма тех людей, которые в недостаточной степени умеют учитывать и управлять общественными процессами, сводя всё их разнообразие либо к политической целесообразности, либо к экономической эффективности, но в любом случае – с учётом благополучия собственного существования. Россия в этом случае не является исключением и сопряжено это с рядом обстоятельств.

Обстоятельство первое связано с особенностями функционирования такого социально-структурного подразделения российского общества как «государственные служащие».

В нашей стране выстроена и постоянно законодательно укрепляется система защиты положения чиновника [1-9; 16; 18]. С 1995 года в социальной структуре государства официально существует специфическая социальная группа – государственные служащие. Практически во всех справочниках о них говорится примерно одно и то же – это «работник, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие)

¹ University of Southern California – входит в число старейших частных учебных и научно-исследовательских заведений США.

за счёт средств бюджета» [21]. Из этой тавтологии следует, что госслужащие – это бюджетники. Однако это особые бюджетники, которые имеют возможность влиять на установление условий своего существования. В их число входят: максимально стабильное положение, высокая степень социальной защищённости, благоприятные условия работы и отдыха, повышенное и динамично растущее денежное содержание (по сравнению с обычным бюджетником), большая пенсия, значительное число льгот, уверенность в максимальной лояльности закона по отношению к себе².

Конечно же, работа госслужащих трудоёмка и сопряжена с высокой степенью ответственности. Однако при этом она едва ли более трудоёмка и ответственна, чем работа, например, врача или педагога. Есть среди госслужащих, несомненно, и профессиональные умелые руководители, но, попав в систему, они почти ничего не могут изменить или на что-либо повлиять. Значительное же число госслужащих стремятся попасть и удержаться в этой «особой зоне», успешно балансируя между обещаниями и извинениями за их неисполнение.

Как известно, деятельность любого человека должна оцениваться по результатам его труда. Успехи наших госслужащих довольно спорны. Почти все они имеют высшее образование, но по специальности, как показывают их досье, когда-либо работали из них очень немногие или крайне недолго, да и то не на ведущих постах в своей профессиональной области. Их деятельность сопровождается бесконечными неожиданностями, ошибками, негативными последствиями, «стечениями обстоятельств», официально признанной среди них и их подчинённых массовой коррупцией [13]. При малейшей угрозе их положению госслужащие весьма успешно успевают перемещаться из одного кресла в другое. Даже у президента, после его избрания, пять помощников из восьми были до этого министрами из числа наиболее критикуемых по результатам их деятельности.

Госслужащие готовы руководить любым делом и любым коллективом. Например, пост министра сельского хозяйства занимали инженер-механик, железнодорожник, медик, а сейчас – юрист.

В ряды госслужащих стремятся попасть многие, особенно молодые люди. Начав строить карьеру, как

правило, во время учёбы, они по её завершении не рвутся к работе по специальности. Однако в чиновники идут охотно. Благо у подавляющего большинства госслужащих и высших управленцев существует постоянно растущий аппарат помощников и советников. Специальность свою они не скрывают, но полное отсутствие профессионального опыта не афишируют. Чтобы от них освободиться, им надо предложить новый привлекательный, в статусном и финансовом отношениях, пост³.

Обстоятельство второе порождено стремлением значительного числа государственных служащих укрепить свои позиции на занимаемых должностях путём приобретения высокого научного статуса.

Как показывает статистика, немалое число госслужащих, в том числе и высшего ранга (в частности депутатов различных уровней), приступив к исполнению своих чрезвычайно трудоёмких, объёмных и ответственных обязанностей, начали параллельно с большой быстротой приобретать второе (и третье) высшее образование. А затем почти сразу же стали реализовывать мероприятия по осуществлению многочисленных и далеко не простых условий, необходимых для защиты диссертаций на научные степени кандидатов и докторов наук [11]. Наибольшей популярностью пользуются области экономики и юриспруденции (примерно 70% от числа защищённых в 2000-е годы).

Занимая чрезвычайно важные посты, требующие концентрации максимального внимания и фактически всех сил, многие чиновники, лишь став госслужащими, нашли время, как свидетельствуют сроки защит, для того, чтобы в течение 3–4 лет подготовить и защитить не только кандидатские, но и докторские диссертации. При этом обращает на себя внимание то, что эти степени нередко чрезвычайно далеки от полученного первого базового высшего образования и близки к дополнительным его вариантам.

Не надо забывать, что в нашей стране наличие образования (особенно высшего) предоставляет право на ту или иную должность. Занимаемая должность, присвоение научной степени и учёного звания давали возможность получать надбавки. Эти формальные признаки позволяли не делать никакой разницы между

² Только за последние несколько месяцев 2013 года более чем в два раза были повышены оклады сотрудников администрации президента и аппарата правительства. Того же самого настоятельно требуют для себя депутаты Госдумы.

³ Иллюстрацией типичного варианта карьеры, выстроенной подобным образом, может служить «деловой» путь Виктора Анатольевича Козбаненко, бывшего ректора Государственного университета управления, арестованного не так давно по обвинению в получении взятки.

Политика и общество 6 (102) • 2013

талантливыми и трудолюбивыми учёными и педагогами и теми, кто наукой не занимался, не умел преподавать и был плохим руководителем. По последним веяниям наличие и размеры доплат бюджетным работникам вообще будут почти полностью отданы на откуп руководителям (то есть чиновникам), оклады которых, в свою очередь, будут зависеть от более высокого начальства

Значительное число остепенённых чиновников и политиков и сейчас числятся в штате многих высших учебных заведениях (это необходимо для получения учёного звания), претендуя на должности профессоров. При этом, как показывает практика, большинство из них не имеют разработанных учебных курсов, не умеют выполнять методическую работу, не занимаются систематически научно-исследовательской деятельностью. Они не способны профессионально руководить курсовыми и дипломными работами, быть научными руководителями аспирантов и соискателей. Крупные чиновники, обладающие «охранной грамотой» в виде докторской научной степени (а возможно и учёного звания профессора) нередко назначаются на должности ректоров и проректоров вузов.

Обстоятельство третье связано с тем, что государственные служащие не заинтересованы в развитии и поддержке отечественной инновационной (оригинальной, творческой) деятельности.

Дорожа собственным местом, госслужащие не хотят им рисковать, предпочитая роль исполнителей чужой воли или чужих образцов. Они испытывают естественную неуверенность в собственных знаниях и умениях (и не без основания). В связи с этим у значительного числа предлагаемых ими «новаций» торчат «ослиные уши» заимствований, как правило, зарубежных. Своих оригинальных предложений у государственных служащих практически не бывает. Чужие зарубежные идеи редко анализируются, хотя они могут быть не свойственны нашей культурной среде, могут быть устаревшими и даже отвергаемыми и критикуемыми у себя на родине, но всё равно нам их будут представлять как единственно приемлемые и лучшие образцы для подражания. Однако даже при самом положительном состоянии дел они не могут рассматриваться как прогрессивные, так как в качестве образцов берутся уже действующие конструкции и системы, а, следовательно, воплощающие идеи вчерашнего дня.

Например, вялотекущая, затянувшаяся реформа образования в стране. Нельзя сказать, что у неё нет результатов. Они есть, но в основном негативные. Ор-

ганизаторы Болонского процесса, и в Европе и у нас, наверное, надеялись, что истинные цели затеянного мероприятия никто не заметит за громкими призывами о необходимости повышения качества образования (а в Европе его действительно необходимо было повысить в большей степени, чем у нас).

Болонский процесс представляет собой ответную реакцию на глобальные кризисные явления, охватившие весь мир. Его суть – переориентировать громадные образовательные деньги граждан, циркулирующие в мире между восточным и западным полушариями, и заставить платить за обучение как можно больше и чаще. Среднее образование может быть любым. На Западе оно вообще сложно поддаётся какой-либо *качественной* оценке, ибо наиболее развитые страны вырвались далеко вперёд по показателям «функциональной безграмотности», дислексии и дисграфии выпускников школ (по данным ЮНЕСКО). При этом высшее образование необходимо давать качественное, но дозированное, чтобы бакалавр или магистр очень скоро осознав его недостаточность и, не умея самостоятельно учиться (натаскивание, зубрежка, решение сиюминутных задач «сегодняшнего дня») и умение находить информацию – это совершенно другие процессы), снова начинали собирать и копить деньги на учёбу.

По сути дела наша реформа образования ориентирует школу на подготовку дешёвой армии рабочих рук, параллельно выполняя роль эффективной преграды, подпускающей к высшему образованию немногих. Реальное базовое образование (классическое), дающее возможность школьнику, его родителям и учителям разобраться в индивидуальных талантах детей и начать их развивать, получают лишь те, чьи родители или иные «законные представители» в состоянии оплатить элитные и специализированные школы или дополнительные занятия и дисциплины (в их числе немалое место занимают дети госслужащих). Они могут позволить себе домашних учителей, гувернёров, репетиторов, курсы, кружки, познавательные и учебные поездки, дополнительные предметы, усиленный(-ые) иностранный(-е) язык(-и), учёбу за границей, занятия недешёвыми видами спорта, необходимую компьютерную и иную технику.

Это своего рода «тренд» нашей реформы образования. При этом хорошо бы помнить, что смысл данного термина это не только тенденция, то есть направление развития, но и предвзятая идея, мысль, намерение, навязываемые кому-то. В связи с этим хотелось бы

Государство и гражданское общество

вспомнить о едином государственном экзамене (ЕГЭ), который по сути дела стал неудачным повтором не оправдавшей себя практики Запада, от последствий которой тот пытается изо всех сил освободиться в последние годы. Ведь ЕГЭ направлен на максимальное подавление творческих возможностей школьников, привития им привычки игнорировать аргументацию, закрепление легкомысленного отношения к знаниям, навыкам и умениям, да и в целом к жизни. Фактически ЕГЭ подводит итог работы школы по формированию условно образованного, сориентированного исключительно на карьеру, малокультурного и нередко аморального потребителя. И если организаторов реформы первые составляющие данного резюме совершенно не смущают, то чиновникам приходится считаться с тем, что последнее обстоятельство для граждан современной России пока недопустимо. Возможно, поэтому наших детей так крайне бесцеремонно начинают в государственных школах с младших классов принудительно подвергать религиозному воспитанию (воцерковлению), пытаясь повторить воплощение аналогичной рекомендации властей для народного образования в дореволюционной России.

Высокий уровень образования современная отечественная общеобразовательная школа дать не в состоянии, ибо она поставлена в жёсткие условия «натаскивания» школьников к ЕГЭ по 3-4 предметам, определенным властью или избранным родителями по своему усмотрению. Данное обстоятельство чрезвычайно усложняет положение высшей школы. А последствия этих процессов напрямую угрожают национальной безопасности нашей страны, лишая её отечественных профессиональных кадров, ставя в зависимость от мирового рынка образования и труда.

Для кардинального изменения дел в высшем образовании России госчиновники предлагают сосредоточиться на осуществлении четырех мероприятий [10].

Во-первых, максимально вытеснить, переориентировать или заменить отечественных преподавателей вузов, ведь на «международном академическом рынке сотни профессоров, исследователей и администраторов», которые и должны быть приглашены к нам, так как они соответствуют требованиям критериев оценки профессионального уровня, принятых на Западе (сами критерии банальны и к преподаванию имеют довольно косвенное отношение). Правда наших преподавателей по этим критериям не проверяли, да и условия работы у нас и у них просто несравнимы. При этом приглашённые педагоги, в основном не говорят по-русски, не всег-

да умеют что-либо объяснить, не владеют навыками методической работы педагогического характера, практически не знакомы ни с достижениями российской науки, ни с особенностями методики работы её высшей школы. Их не волнует ни будущее выпускников, ни будущее нашей страны. Оказывая услуги, они ни для кого и ни для чего не собираются готовить кадры. Для них это и не важно, а вот зарплата у них должна быть достойной. И если критерии оценки уровня профессионализма у нас и на Западе довольно близки, то объёмы вознаграждения разнятся принципиально.

Кроме того, наших преподавателей настигнет в ближайшее время серьёзное сокращение штатов и отмена надбавок за степени, звания и должности (ведь надо же откуда-то брать деньги на увеличение оплаты труда оставшихся, не остепенённых педагогов и приглашённых профессоров). Но если учесть, что данные действия вызовут значительный рост учебной нагрузки сохранивших свои места *отечественных* преподавателей, то фактическая оплата труда *наших* педагогов, прежде всего с высокой квалификацией, на самом деле значительно сократится.

Во-вторых, шире использовать активные методы обучения «разработанные лучшими западными университетами». Правда, многие наши соотечественники, выезжавшие и выезжающие за рубеж для преподавания, вывезли значительное их число как свой профессиональный багаж. При этом не надо забывать, что рост данного показателя нередко приводит не к повышению, а к резкому снижению качества образования.

В-третьих, значительное внимание уделять университетской инфраструктуре, то есть строительству новых хорошо оборудованных кампусов (университетских городков, известных ещё с XVIII века, в том числе и в России). С восторгом говоря о достоинствах кампусов западных университетов, ни слова не звучит об их выявленных неудобствах и несовершенствах: оторванности от жизни мегаполиса; противоестественности существования преподавателей, их семей и студентов в данной «резервации»; о монопольной установке цен на товары и услуги, в том числе и образовательные, и многом другом. Не случайно в переводе с латинского языка этот термин обозначает «чистое поле». Многие западные университеты предпочитают и сегодня располагать всю свою инфраструктуру в черте городов.

В-четвертых, создавать частно-государственные центры профессионального развития, предоставить бывшим техникумам статус высших учебных заведе-

Политика и общество 6 (102) • 2013

ний (прикладной бакалавриат), при этом «значительная часть слабых вузов перейдет на подготовку только по программам бакалавриата», а магистратуру и аспирантуру закрепить за ведущими вузами страны, которых будет от 5 до 15. Одним словом, слабые вузы готовят бакалавров, то есть дают образование крайне условное и упрощенное, называемое первым высшим, но в заметной степени бесплатное. Сильные вузы дают второе высшее образование и готовят научные кадры предпочтительно на платной основе, обучая детей состоятельных людей и производя основную массу государственных служащих в стране.

Кстати, стоимость 16 месячного курса обучения в «Сколково» равна 60 тысячам евро (обучение в бизнес-школе по разным программам обходится от 50 до 90 тысяч евро); пользование многими элементами инфраструктуры там платное; кофе в буфете с двумя бутербродами обходится в 250 рублей. Кто может себе это позволить? Думаю, что госслужащие и их дети здесь не на последнем месте.

В «Сколково» не скрывают, что готовят кадры для «высших органов государственной власти», для Кремля, «Белого дома», крупного и среднего бизнеса, а ещё... для ректорства в отечественных вузах. Наше Министерство образования и науки настойчиво старается пресечь и изжить многовековую традицию *избрания* на руководящие должности в образовательных, культурных и просветительских учреждениях, в частности на должности деканов и ректоров. Однако с деканами, кажется, у нас расстались почти окончательно, энергично заменяя их назначаемыми (управляемыми) директорами институтов, а теперь приступили к внедрению практики назначения ректоров.

Отечественные «ведущие вузы» в стране начали появляться уже сейчас безо всяких экспертных оценок, международных рейтингов и других вариантов ранжирования. Например, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Нет ни одного вопроса, ни одной проблемы, ни единого общекультурного, художественного, производственного, технологического, педагогического и научного явления, по поводу которого мы не были бы вынуждены выслушивать заключения, мнения, критику, результаты экспертизы его руководства, преподавателей и сотрудников.

Так ВШЭ стала разработчиком формальных критериев по определению эффективности отечественных вузов (надо полагать, получила на это немалые деньги). Все пять параметров до такой степени имеют

косвенное отношение к оценке *качества* какого-либо высшего образования, что говорить о них специально нет нужды. По мнению научно-педагогической общности они полны системных ошибок.

Никого не удивила и победа НИУ ВШЭ в конкурсе научно-исследовательских работ по теме «Разработка дорожной карты перехода к «эффективному контракту» в сфере науки РФ и пакета институциональных преобразований для её реализации». Эту задачу заявители, представившие самый дорогой проект из всех поступивших на рассмотрение, обязуются выполнить к декабрю 2013 года, изучив «лучшие зарубежные практики оплаты труда в науке по не менее чем восьми ведущим странам, включая США, Германию, Великобританию, Францию и Китай».

Практически почти во всех аналогичных конкурсах комиссии возглавляет тот или иной министерский чиновник. Например, конкурс на принципиальную тему «Формирование системы оценки и мониторинга результатов научно-исследовательской деятельности организаций и учёных для регулярной оценки состояния сферы науки». Его выиграла частная компания с ограниченной ответственностью «ПрайсвогтерхаусКуперс Раша Б.В.» (стоимость 90 млн руб., запрошенная стоимость – 100 млн руб.), которая обязалась опять же в течение неполного года собрать материал, сформировать базу данных, создать обновляющуюся информационную систему, дающую «аналитический материал о состоянии российской науки». Эта компания в конкурсе победила МГУ (запрошенная стоимость – 50 млн руб.) и Институт системного анализа РАН (запрошенная стоимость – 60 млн руб.), у которых существует опыт создания аналогичных разработок.

Почти все инновационные предложения Министерства образования и науки сопровождаются не аргументацией и обоснованиями, а исключительно ссылками на опыт зарубежной высшей школы. Мы не против того, чтобы учиться на лучших образцах практики других стран. Но не надо забывать, что данный опыт, даже если он удачен, всё равно уже является устаревшим. Однако он почему-то объявляется самым перспективным для нашего образования.

Обстоятельство четвертое связано со стремлением к сведению оценок любых социальных взаимоотношений и действий к экономическим или численным показателям, проще говоря, с их упрощением, вульгаризацией.

Возвращаясь к термину «тренд», хотелось бы добавить, что он имеет ещё одно специфическое звучание,

Государство и гражданское общество

которое связано с экономикой – это характеристика направления преимущественного движения показателей. Именно к этому смыслу в основном, судя по всему, тяготеют наши чиновники и управленцы. Официальные материалы насыщены цифрами, графиками, диаграммами, процентными соотношениями. Почему-то считается, что динамика *количественных* показателей напрямую связана с улучшением или ухудшением *качества* жизни людей. Однако в социальных и гуманитарных явлениях многое происходит иначе. А, кроме того, огромное число общественных процессов и гуманитарно-культурных явлений крайне слабо поддается формализации и, следовательно, для их оценок необходимы совершенно иные (не экономические или математические) методики и технологии.

Обратимся ещё раз к акции мониторинга государственных вузов и их филиалов. Она, кроме прочего, продемонстрировала неумение просчитывать социальные последствия готовящихся и принимаемых решений. К негативным характеристикам акции необходимо отнести её скрытность, полное забвение специфики и профильного разнообразия вузов, финансовую односторонность критериев оценок, неумение учитывать или игнорирование педагогических и образовательных составляющих вузовской подготовки, предоставление части образовательных учреждений незаслуженных преимуществ в будущей приёмной компании (возможно непреднамеренное), возмутительное (вкусное, малограмотное) отношение руководителей образования к творческим, гуманитарным и педагогическим вузам. Из осуществленной акции следует грустный вывод: наши чиновные руководители крайне слабо представляют себе особенности специфики, цели и задачи того, чем они руководят.

Научная проработка их деятельности в основном осуществляется представителями экономической и юридической сфер [12; 15; 19; 20],

С сожалением необходимо констатировать, что наши госслужащие в основной своей массе плохо знают закономерности протекания социальных процессов и особенности функционирования их различных модификаций. Они не умеют пользоваться рекомендациями социологов, культурологов, психологов и представителей иных социальных, а тем более гуманитарных наук. Замкнув все ориентиры на экономическую эффективность, выгоду или, на худой конец, пользу, они фактически готовы разрушить всё, что безразлично к оценкам подобного рода. Некомпетентность многих чиновников проявляется в незнании на-

учных методов оценки социальных и гуманитарно-культурных процессов. Если не срабатывают правила математики или экономики, то для них лучше мистика или оккультизм, чем социология, филология, культурология или философия. Наши управленцы (их советники и помощники) практически не умеют даже в постановочном варианте просчитывать социальные последствия принимаемых ими административных и даже государственных решений, что чревато тяжелыми последствиями.

Обстоятельство пятое проявляется в безразличии к культуре, самобытности и достоинству государства, которое оборачивается реальной угрозой его национальной безопасности.

Принцип «Все на продажу!» оказался чрезвычайно близок нашим госслужащим: исторические памятники, национальные богатства, художественные и природные ценности, государственные тайны, престиж страны, памятные достопримечательности всё может быть выставлено на торги. Заключаются сделки по поводу музейных экспонатов, архитектурных объектов, культурных уникамов, заповедных зон, различных раритетов.

Так Совет по наследию Союза архитекторов России вынужден был обратиться в московскую городскую Думу в связи с угрозой полного уничтожения объектов археологического и архитектурного значения, находящихся на территории продолжающего обустраиваться инновационного центра «Сколково», и бесполезностью обращения к разуму и совести его руководителей. За последние 10 лет в Москве было снесено более 300 зданий исторической застройки, среди которых не менее 50 памятников архитектуры, охраняемых государством, а также связанных с именами В.И. Баженова, М.Ф. Казакова, А.Н. Островского, А.С. Пушкина, А.В. Сухова-Кобылина, Ф.О. Шехтеля. Не прекращаются скандалы в связи с варварскими мероприятиями, осуществляемыми с разрешения госчиновников в историческом центре Санкт-Петербурга.

Ощутимый удар нашей культуре наносится отношением чиновников к родному языку, вопреки гарантиям Конституцией РФ. В частности, сложно переоценить те негативные последствия, которые порождены настойчивым (если не сказать насильственным) внедрением в наш лексикон огромного числа англоязычных терминов-дублеров или их неуклюжих переводов. Малопонятные, особенно на первых порах, минимально необходимые специальные терми-

Политика и общество 6 (102) • 2013

ны («тренд», «дорожная карта», «бренд», «трафик», «мониторинг», «эффективный контракт» и множество других) призваны, быстрее всего, завуалировать, скрыть истинную суть дела или явный комплекс неполноценности тех, кто их насаждает.

Однако чиновники уверены, что «сегодня язык науки, политики, дипломатии, и в значительной степени язык искусства – английский». Их совершенно не волнует тот факт, что далеко не все науки являются естественными или техническими, что в отношении искусства они, скорее всего, имели в виду просто обыденный способ общения творческих людей между собой. В школах дополнительное время на английский язык «выкраивается» путём игнорирования целых предметов или их интеграцией в другие дисциплины. В вузах аннулируются или сокращаются до минимума гуманитарные кафедры, в том числе и русского языка. За их счёт увеличивается объём часов, отводимый на изучение исключительно английского языка (хотя уровень освоения иностранного языка мало зависит от потраченного на это дело времени). Чтение лекций на английском языке вводится в качестве положительного критерия для оценки работы вузов. При этом лектор, даже в качестве носителя языка, нередко недостаточно квалифицирован. Фактически принудительное распространение английского языка и англоязычной терминологии наносят невосполнимый ущерб значительному объёму информации в научном, культурном и содержательном плане. Это проявляется в использовании неадекватных аналогов, игнорировании или невозможности отразить нюансы, наделении несуществующими свойствами, в изъятии из интеллектуального оборота понятий, не имеющих параллелей в английском языке, и тем самым приводит к искажению смыслов.

Наш соотечественник М.В. Ломоносов владел 30 иностранными языками (по итогам исследований Ю.М. Лотмана) и считал их знание одним из условий своей успешной научной работы. При этом наличие международного научного языка общения (латыни) не мешало ему заниматься совершенствованием русского языка, для которого характерны «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильная в изображениях краткость греческого и латинского языков» [14: Т.7, С. 394].

Нам же административными способами нередко пытаются диктовать сленговые интерпретации терминологии. СМИ довольно часто привлекают к ра-

боте малограмотных, грубых, ориентированных на эпатаж, не обладающих вкусом и серьёзным базовым разносторонним образованием журналистов, дикторов и ведущих. Реклама вообще функционирует в полном рассогласовании, как с русским, так и с любым другим языком.

Государственные чиновники, взявшись управлять делами общества, понимают, что профессиональными гуманитариями сложно управлять и почти невозможно манипулировать, что их нравственный стержень (если они при этом хорошо воспитаны) может превратиться в непреодолимое препятствие и недостижимый рубеж для многих госслужащих.

Прогрессивность и цивилизованность общества определяется не валовым продуктом и не доходом на среднюю душу населения. Оценки подобного рода связаны с состоянием его культуры и нравственности. Такая социально-структурная единица Российской Федерации, как «государственные служащие», противопоставлена своими правами, условиями существования и мерой ответственности всем остальным гражданам страны, в том числе и работникам бюджетной сферы. Понимая несправедливость и противозаконность данного состояния, стремясь сохранить своё привилегированное положение, они всеми силами стараются подменить личность – потребителем, культуру – обладанием, смысл жизни – максимальным господством, размывая цивилизованность нашего общества. К сожалению и прогресс, и регресс – это движение в одном направлении. Именно поэтому государственные служащие в силу своей массовой системной некомпетентности не в состоянии отличить одно от другого.

Библиография:

1. Федеральный закон от 31.07.1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
4. Указ Президента Российской Федерации от 16.08.1995 № 854 «О некоторых социальных га-

- рантиях лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и должности федеральных государственных служащих».
5. Указ Президента Российской Федерации от 06.09.1995 № 900 «О первоочередных мерах по улучшению работы с кадрами в системе государственной службы и реализации Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации».
  6. Указ Президента Российской Федерации от 30.01.1996 № 123 «О квалификационных требованиях по государственным должностям федеральной государственной службы».
  7. Указ Президента Российской Федерации от 22.04.1996 № 578 «Положение о порядке присвоения и сохранения квалификационных разрядов федеральным государственным служащим».
  8. Указ Президента Российской Федерации от 06.06.1996 № 810 «О мерах по укреплению дисциплины в системе государственной службы».
  9. Комментарий к Федеральному закону «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (постатейный) / Под ред. А.Н. Ткача. – М.: Юстиформ, 2004.
  10. Волков А.Е., Ливанов Д.В. Профессиональное образование России: каким оно должно быть? (Интервью радиостанции «Эхо Москвы»): ficktmgup.ru/2012/09/04
  11. Государственная служба Российской Федерации / Под ред. Д.М. Овсянко. М.: Юристь, 2003.
  12. Купцов В.Б. Особенности режимов государственной службы в административно-политической сфере // *Право и жизнь* 2000. № 30. С. 64-76.
  13. Куракин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации: Монография. М.: МВД РФ, 2005.
  14. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 11 т. М.-Л.: Наука, 1950-1983.
  15. Мальцев В.А. Государственный служащий современного типа. Ниж. Новгород: ВВАГС, 1995.
  16. Окуньков Л.А. Развитие законодательства о государственной службе // Комментарий к ФЗ «Об основах государственной службы» и законодательству о государственной службе зарубежных стран. М.: Норма, 1998.
  17. Питер Л.Дж., Халл Р. Принцип Питера, или Почему дела идут вкривь и вкось. М.: Астрель, 2012.
  18. Россинский Б.В. О законодательной дефиниции государственной службы // *История становления и современное состояние исполнительной власти в России / Отв. ред. Н.Ю. Хаманева. М.: Новая Правовая культура, 2003.*
  19. Стариков Ю.Н., Давыдов К.В. Административная реформа в Российской Федерации на современном этапе: основные достижения, проблемы и перспективы // *Правовая наука и реформа юридического образования. 2011. № 1 (24). С. 125–151.*
  20. Слатинов В.Б. Институциональные эффекты российской административной реформы // *Государственная и муниципальная служба в системе политико-административного управления современной России. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 57–64.*
  21. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Буколика. 2008.

References (transliteration):

1. Volkov A.E., Livanov D.V. Professional'noe obrazovanie Rossii: kakim ono dolzhno byt'? (Interv'y u radiostancii «Eho Moskvyy»): ficktmgup.ru/2012/09/04
2. Kupcov V.B. Osobennosti rezhimov gosudarstvennoy sluzhby v administrativno-politicheskoy sfere // *Pravo i zhizn'* 2000. № 30. S. 64-76.
3. Kurakin A.V. Administrativno-pravovye sredstva preduprezhdeniya i presecheniya korrupcii v sisteme gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby Rossijskoj Federacii: Monografiya. M.: MVD RF, 2005.
4. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochineniy. V 11 t. M.-L.: Nauka, 1950-1983.
5. Mal'cev V.A. Gosudarstvennyy sluzhaschij sovremennogo tipa. Nizh. Novgorod: VVAGS, 1995.
6. Okun'kov L.A. Razvitie zakonodatel'stva o gosudarstvennoy sluzhbe // *Kommentariy k FZ «Ob osnovah gosudarstvennoy sluzhby» i zakonodatel'stvu o gosudarstvennoy sluzhbe zarubezhnyh stran. M.: Norma, 1998.*
7. Piter L.Dzh., Hall R. Princip Pitera, ili Pochemu dela idut vkriv' i vkos'. M.: Astrel', 2012.
8. Rossinskiy B.V. O zakonodatel'noy definicii gosudarstvennoy sluzhby // *Istoriya stanovleniya i sovremennoe sostoyanie ispolnitel'noy vlasti v Rossii / Otв. red. N.Yu. Hamaneva. M.: Novaya Pravovaya kul'tura, 2003.*
9. Starilov Yu.N., Davydov K.V. Administrativnaya reforma v Rossijskoj Federacii na sovremennom

Политика и общество 6 (102) • 2013

- etape: osnovnye dostizheniya, problemy i perspektivy // *Pravovaya nauka i reforma yuridicheskogo obrazovaniya*. 2011. № 1 (24). S. 125–151.
10. Slatinov V.B. Institucional'nye efekty rossiyskoy administrativnoy reformy // *Gosudarstvennaya i municipal'naya sluzhba v sisteme politiko-administrativnogo upravleniya sovremennoy Rossii*. Voronezh: VGU, 2005. S. 57–64.
11. Ushakov D.N. *Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennoy russkogo yazyka*. M.: Bukolika. 2008.